

СЕМЬ с половиной лет назад вертолет из Владивостока низко летел над Уссурийской тайгой к сихотэалинскому скалнотому гроту. Там, в пещере горы Змеиной, были найдены удивительные изваяния — произведения искусства, столь же совершенного и свободного, как античные мраморы... Синезеленое море дышало под нами, вершины деревьев гнулись от ветра, вздымая девятые валы своих волн. Я глядела вниз и думала: где-то здесь бродит еще Дерсу Узала, слушает голоса птиц, разглядывает следы зверей, печалится о нагнавшей внезапно старости. Где-то здесь — его плантация женьшеневых корней, которые он собирал всю жизнь... Я знала, что нанайца Дерсу убили и Владимир Клавдиевич Арсеньев стоял более полувека назад над его свежей могилой. Но мой Дерсу не мог умереть — легенда бессмертна. И готовясь войти в открытую спелеологами пещеру, в которой чей-то гений превратил сталактиты в карнатид и атлантов, похожих на врубленного Демона и заколдованную принцессу из сказки о спящей красавице, я была уверена, что увижу там еще одну фигуру, еще одно дивное лицо: Дерсу, доброго духа этих мест.

Есть книги, которые читаешь всю жизнь, впервые открыв их в детстве. Они становятся частью души, составной воззрения на мир. Отношения наши с такими книгами удивительны. Иногда кажется достоверно произошедшим, самолично виданным то, о чем сказано в них. Их герои — твои друзья, знакомцы. Ты разговаривал с ними, сидел возле их глаз. Они БЫЛИ в самом деле; и был ты, освященный их присутствием, и потому лучший из всех людей, которые в тебе заключены. Материальность этих героев бесспорна. Может быть, поэтому странно смотреть на их изображения — будто кто-то стремится доказать тебе самому, что ты существуешь...

Так было со мной, когда в одном издании прекрасной книги Арсеньева я увидела фотоснимки Дерсу Узала. И так показалось снова, когда на исходе недавней зимы стало известно, что замечательный художник Акиро Куросава, гордость японской кинорежиссуры, будет снимать фильм о Дерсу.

Конечно, жизнь того охотника и маршруты его путешествий по Уссурийскому краю принадлежат миру. Он всеобщ, как Робинзон Крузо, это ясно. Но как же моя или твоя легенда? Не расстанемся ли мы с нею из-за этого — пусть великого, но излишне конкретного воплощения? Вместе с сообщением о будущей работе Куросавы пришло известие, что сценарий для этого фильма пишет другой прекрасный художник, тот, чье большое кинематографическое имя не помешало его славе тонкого новеллиста, — Юрий Нагибин. Нагибинская проза... Сильные, смелые, детски наивные и взросло-мудрые люди. Могучая, сказочно-обыденная природа: зимний дуб, эхо, мещерская глухомань, зеленая вода Чистых прудов, не тускнеющая в центре Москвы. Золотое слово «любовь». Невнятная, как воздух, дружба. Трассы на Север и в Африку, по городским переулкам и лесным озерам.

«Доверю ли я своего Дерсу этим мастерам?» — думала я. Такой вопрос задает каждый, когда в любимую книгу вторгается иная сфера искусства, своими средствами воплощая ее действительность. Этот вопрос адресован графике, театру, кино, музыке, балету и мало ли каким еще жанрам творчества, избирающего своим поводом литературу.

Вот почему я спросила у Юрия Марковича Нагибина:

— Не страшно ли вам прикасаться к материалу, внешне похожему на дневник путешественника, на документ, но давно перешагнувшему факты и события и ставшему Поэзией? Как

экранизировать легенду? Ведь даже собственная ваша нежная проза часто теряет свою легкость в материализации кино?

Нагибин ответил:

— Я люблю кинематограф и верю в его возможности. Люблю писать для экрана. Но «Дерсу Узала» — моя первая кино-работа по чужому произведению. Первая после двадцати пяти картин, поставленных по собственным моим сценариям. Много раз мне предлагали участвовать в экранизациих классики, я отказывался, ибо всё «по мотивам» всегда казалось мне неточным и неполным. Отчего я согласился теперь? Что привлекло меня? Дерсу или Куросава? Наверное, оба. Редкостная слитность темы и художника. Гуманное, чистое, исполненное благородства произведение Арсеньева режиссер Куросава может воплотить на экране столь же обаятельно и значительно. Я видел многие фильмы Акиро и понимаю, что в любом из них торжествует человеческое начало. Но здесь у меня есть и своя увлеченность, своя боль. Я не знаю в мировой литературе, от века славящей далекого от цивилизации героя — Руссо, Шатобриан, Дефо, Майн Рид, Ибсен, Жюль Верн, — более близкого моей душе персонажа, чем Дерсу. Он естествен, прост, лишен романтических котурнов. Вместе с тем он не идиличен — каждый его поступок пронизывает тревога за природу, забота о ней. «Рыба тоже люди», — говорит Дерсу. — Его тоже могут говорить, только тихо. Помните, как он беседует с ночной птицей? «Что-то закричал ей громким голосом, в котором...

Юрий НАГИБИН и Акиро КУРОСАВА. Москва, 1973 г.

нотки грусти, страха и радости».

Не страшно ли мне прикасаться к этому? По правде говоря — очень. Но сегодня тема природы чрезвычайно необходима, и это не только лирическая тема. Книга Арсеньева располагает огромным естествоведческим, краеведческим, нет — планетоведческим материалом, которому образ Дерсу придает особую пронзительность. Как сделать историю Дерсу сюжетом, ничего не изменив ни в этическом, ни в идейном смысле этого прекрасного произведения? Вот — наша задача.

Куросава говорил мне в беседах, что первоначально мыслил свой двухсерийный фильм рассказом о единении человека с природой, но потом изменил точку зрения: картина «Дерсу Узала» обязана быть острее, драматургичнее, гражданственнее, она должна стать призывом к жителям Земли — сберечь земной мир. Срубленное дерево невозможно восстановить. Речь идет не об уничтожении пейзажа — о гибели живой среды, где единственно возможно человеческое существование. Независимо, в какой точке глобуса разрушается Природа — это влияет на земной шар в целом. То, что происходит в США с озером Эри, касается реликтовых вод. Полимеры-регуляторы, стоящие на перекрестках Токио в

противогазах, задыхаются не сами по себе — это удушье заденет и памирских горцев. Эрозия почвы, обмеление рек, высыхание морей, истребление пернатого и звериного мира, тотальная война насекомым... Художник обязан сказать об этом свое гневное слово. Размышляя о Дерсу, его жизни и гибели, я вспоминаю строки английского поэта Джона Донна, взятые Хемингуэем в качестве эпиграфа к роману «По ком звонит колокол»: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговую Утес, меньше станет Европа, и также, если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умалит и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по тебе». Почему Хемингуэй обратился к таким, имен-

Юрий НАГИБИН:

«ЕСТЬ ЛЮДИ, В ЖИЗНИ КОТОРЫХ ЗВЕЗДЫ ИГРАЮТ ОСОБУЮ РОЛЬ»

Владивостока и положила цветы на его могилу. И снова, как про Дерсу, думала: есть могила, но не может быть, чтоб не было на свете этого человека...

— Каким он предстанет в фильме Куросавы? — спрашивала я Нагибина. — Каким будет его любимый Дерсу?

— Это очень близкие друг другу люди. Высочайший интеллигент, писатель и ученый, мужественный рыцарь человеческой культуры; и его товарищ, таежный охотник, кроткий и добрый, внимательный к настроениям сердца и приро-

Интервью

«Литературной России»

ды. Это близкие люди. Им обоим одинаково противопоказаны мещанство, варварство, глупость, насилие. Дерсу погибает не оттого, что Арсеньев увез его в город, где он сидит «в ящике», «все равно утка». Ему ненавистно устройство жизни с подрядчиком и урядником. Но город настиг его и в тайге — грабители, отняв у Дерсу жалкие деньги, убили Человека. Помните, как пишет Арсеньев о гибели друга? «Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто Дерсу что-то забыл и теперь сился вспомнить... Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге... Передо мною одна за другой вставали картины прошлого... В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал. «Смирный люди», — вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Вдруг птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце. — Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошел по дороге». Немного есть в мировой литературе страниц, столь высоких, отчаянно и тихо трагических, как этот арсеньевский рекем...

Акиро Куросава всегда до сих пор был сам своим сценаристом. И «Красная борода», и «Расемон», и «Телохранитель», и «Идиот» сняты по его сценариям. Возможно, мы с Акиро не сразу придем к каким-то общим решениям, но московские беседы уже создали во мне веру, что я в состоянии понять ту пластику кинематографа, которую ищет Куросава.

Разумеется, она прежде всего должна быть воплощена образом Дерсу. Я думаю сейчас, что нам необходимо реконструировать его жизненную историю, о которой мало говорит Арсеньев: как случилось, что Дерсу осиротел? Как прожил он жизнь? Где его жена и дети, которых он видит голодными в своем горьком сне? Дерсу будет играть любимый актер Акиро и, по моему, лучший артист Японии — Тосиро Мифунэ. Он был доктором в «Красной бороде» и Рогожником в «Идиоте», которого Куросава снял по мотивам рома-

на Достоевского. Акиро говорил мне, что предпочитает в японском театре школу «Но». Школа «Но» воспитывает в своих актерах умение отказаться от себя, возможность полного перевоплощения. Артист «Но» ищет экзистенциальное состояние абсолютного переключения на жизнь и мир персонажа — до забвения всей прежней сути своего конкретного существования. Вот почему я думаю, что Мифунэ органически станет моим и вашим Дерсу.

Я особо понял Куросаву, когда он перевел мне значение иероглифа своей фамилии и имени: луна, появляющаяся на заходе солнца. Это поразило меня совпадением с пейзажной картиной, описанной мною в рассказе «На кордоне» — там луна, а незакатное солнце багрило ее светлым ликом. Оказалось, что Куросава нашел это видение у Арсеньева и поэтому так полюбил эту книгу, счел ее предназначенной его творчеству.

Совпадений оказалось много... Когда я писал о Юрии Гагарине и встречался с его прекрасной матерью, то заметил, как часто, не отдавая себе в этом отчета, она произносила слово «звезды». Это было любимое ее сравнение, самое лучшее, что она могла сказать о человеке, о его поступке, о его стремлении. Она вспоминала разговоры с сыном — мальчишкой и юношей, потом героем, — и все время в контексте присутствовало это слово. Но в рассказе о Гагарине я написал отчего-то общо, постулативно: «Есть люди, в жизни которых звезды играют особую роль». Я не думал тогда об Акиро и о Дерсу, а, оказалось, сказал и про них.

Продюсер Куросавы, ослепая нас в первый рабочий день, заметил: «Акиро ничего не умеет в жизни — только снимать кино. Будете к нему бережны и добры». И тогда я увидел, как трудно улыбается узкий рот режиссера и каким прелестным, молодым становится этот человек. Я спросил у Куросавы: почему в его лентах чаще всего нет женщины? И ведь ее может не быть и в «Дерсу»? «Но разве женщина в фильме — это только навязчивая картина близости во весь экран?» — отвечал Куросава. — В «Дерсу» будет женщина, ибо там будет природа. Вот идет удэгейка, несет ведро с водой. Встала луна, ее еще не видно. Но светлый глаз двух чутких вод уже поймал ее появление. И женщина несет в руках две луны...

Нагибин говорил, но слова исчезали. Вместо его рассказа передо мною шел будущий фильм — как все мечтаемое, похожий на то, что уже было. Вертолет низко летел над дорогами Арсеньева, садился в расщелине около горы Змеиной. И вот уже горят смоляные факелы, освещающие сияющие белизны скульптуры в санктуарии «журчужней», создавших когда-то на этой земле государство высочайшей культуры. Мгновенно уничтоженное смерчем нашествия с юга, этой конной атомной бомбы начала тысячелетия, «журчуженьское царство» оставило после себя розы в тайге, одичавших птиц, маленькую моленную в пещере. Журчужени далекие предки нынешних народов Приамурья — ульчей и нанайцев, как наш Дерсу...

Не потому ли обратились к рассказу о нем художники, один из которых видел взорванные Хиросиму и Нагасаки, а другой получил контузию под Ленинградом? Их фильм шел передо мною вялеле... У таежного костра рядом с Арсеньевым сидел Дерсу и слушал пушкинскую «Сказку о золотой рыбке». «Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы... сказал:

— Верно, такой баба много есть... Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место».

Беседу вел Александр ПИСТУНОВА